

*О.В. Широков***Особенности социально-экономического развития
западносибирской деревни в 1954–1965 гг.**

Ключевые слова: советская власть, советское общество, КПСС, сельская интеллигенция, Западная Сибирь, деревня, сельское хозяйство, целина.
Key words: soviet power, soviet society, CPSU, rural intelligentsia, West Siberia, a village, agriculture, virgin land.

Оценки развития нашей страны в 1954–1965 гг. не всегда были однозначными. Сначала этот период называли «решительным поворотом, рубежом больших перемен», потом – «временем нереализованных возможностей и не вполне оправданных надежд». Интерес к событиям этих лет не проходит и становится тем заметнее, чем глубже развиваются процессы радикальных изменений во всех сферах современной жизни нашего общества. В 1970, 1980, 1990-е гг. приходилось возвращаться ко многим проблемам, поставленным еще в 1950-е и 1960-е гг., но не дошедшим в свое время до стадии практического решения или решенным непоследовательно, половинчато, некомплексно. Коснулось это и советской деревни. Не лучшие времена переживает село и в наши дни. Поэтому, наверное, не случайно руководство страны начинает уделять больше внимания развитию регионов.

Своеобразное переплетение новых и старых задач, проблем и подходов к их решению – одна из особенностей и одновременно сложностей развития нашего общества. Понять его можно частично и на осмыслении того, что же в действительности было тогда, в середине 1950–1960-х гг.: почему начавшееся обновление было в конечном итоге «заморожено», а многие замыслы тех лет так и не стали реальностью.

Большой и сложный путь прошла Западная Сибирь за эти годы. Не случайно это время еще называют «вторым освоением Сибири», так как героический труд советских людей коренным образом изменил лицо этого огромного и богатейшего края. Все это поражало воображение современников, открывало замечательные перспективы дальнейшего развития этого благодатного края. Однако уже в начале 1960-х гг. здесь, как и по всей стране, возникают трудности с продовольственным снабжением, отмечается рост цен на продукты, нехватка фуражного зерна.

Попробуем проанализировать некоторые стороны социально-экономического развития сибирской деревни в эти годы, так как, на наш взгляд, корни многих проблем стали произрастать одновременно с выдающимися достижениями.

Остановимся прежде всего на сельском хозяйстве. В отчетах соответствующих инстанций фиксировался рост производственных показателей. В Алтайском крае в 1961 г. производство зерна по сравнению с 1953 г. возросло в 3 раза, производство мяса – на 149%, молока – на 194%. Однако эти показатели не были стабильными, а начало 60-х гг. отмечено общим спадом сельскохозяйственного производства. В Западной Сибири валовый сбор зерна колебался в значительных пределах: в 1940 г. он составил 5154 тыс. т, в 1953 г. – 6321 тыс. т, в 1958 г. – 14490 тыс. т, в 1964 г. – 13474 тыс. т, в 1965 г. – 6471 тыс. т [1, с. 20]. И объяснялось это не только засухой, губившей урожаи несколько раз за исследуемый период.

В отдельных хозяйствах картина была еще более удручающей. Колхозы и совхозы Омской области, например, из года в год не выполняли плановых заданий по продаже зерна государству. В 1960 г. сдано 97,7% к плану, в 1961 г. – 64,1%, в 1962 г. – 43,3%. Снижалась урожайность: в 1956 г. в среднем собирали 12,8 ц/га, в 1958 г. – 10,3; в 1959 г. – 10,5; в 1961 г. – 9,1; в 1962 г. – 7,2 ц/га. Ухудшались и другие производственные показатели. Надои молока в 1957 г. доходили до 2287 кг на корову в среднем, в 1960 г. – 2266, в 1962 г. – 1876 кг. В 1957 г. из 92 совхозов области 21 был убыточный, в 1962 г. цифра возросла до 40. В 1962 г. 102 совхоза области принесли 40,8 млн руб. убытка, 10 – прибыль в 1,3 млн руб. [2, л. 215].

Алтайский край за годы семилетки ни разу не выполнил план хлебозаготовок. Не помогло даже расширение посевов зерновых: в 1963 г. под них было отведено 63% всех посевных площадей, а производство зерна осталось на прежнем уровне, в 1964 г. собрали 38 тыс. т (для сравнения: в 1959 г. эта цифра составила 47 тыс. т) [3, л. 53].

Сложная картина была и в животноводстве, находящемся в прямой зависимости от результатов земледелия. В 1962 г. за первое полугодие Алтайский край сохранил за собой переходящее Красное знамя за успехи в животноводстве, но в то же время по основным показателям план не выполнили многие хозяйства: по продаже мяса государству 181 колхоз и совхоз, молока – 299, яиц – 203, шерсти – 59 /всего в крае было 180 совхозов и 404 колхоза, которые в 1960 году получили убытка 26 млн руб.

В Омской области при увеличении поголовья крупного рогатого скота на 43% за 5 лет семилетки

производство молока выросло всего на 14%, увеличилась его себестоимость.

В 1956 г. в Кемеровской области было свыше 100 отстающих колхозов, в 1961 г. из 71 совхоза 62 принесли убытки на сумму 16327 тыс. руб., а 6 получили прибыль 509 тыс. руб. Несмотря на рост основных производственных показателей, государственные планы не выполнялись: в 1954 г. по молоку он был выполнен на 74%, по мясу – на 93%, по яйцу – на 81%. И только к концу семилетки намечалось некоторое улучшение: по молоку выполнили на 106,3%; мясу – 102,8%; яйцу – 180%, шерсти – 97,6% [4, л. 32].

Поражали убытки в животноводстве. В области в 1960 г. пало 37,7 тыс. голов КРС, свиней – 94,5 тыс., овец – 24 тыс. голов, в результате чего было недополучено 8 тыс. т мяса [5, л. 32].

Картина усугублялась повсеместным распространением заболеваемости животных, частыми эпидемиями. В Омской области в 1955 г. 321 колхоз и 49 совхозов с поголовьем (крупного рогатого скота) КРС 322 тыс. не поддавались лечению болезней животных обычными методами, а вакцины не хватало, местные органы власти вынуждены были вводить карантин, создавать чрезвычайные комиссии для ликвидации последствий, с помощью милиции перекрывать целые районы [6, л. 15].

Можно привести еще немало подобных примеров, отражающих такое состояние сельского хозяйства. Конечно, не везде картина была столь неблагоприятной, были и хозяйства, успешно выполняющие государственные планы, труженики которых вписали немало ярких страниц в историю развития сельского хозяйства Западной Сибири. Однако их усилия размывались и распылялись теми, кто не справлялся с поставленными задачами в силу тех или иных причин.

Причины такого неустойчивого развития сельского хозяйства крылись в неэффективной экономической политике в деревне, ошибках руководителей хозяйств. В начале 60-х гг. XX в. были уменьшены капитальные вложения в сельское хозяйство, замедлилась поставка техники при резком расширении посевов трудоемких культур. Научные методы стали подменяться чисто волевыми действиями, особенно в области планирования, заготовок и капиталовложений, а также ценообразования [7, с. 21–22].

Колхозы и совхозы терпели большие убытки, планомерному ведению хозяйства мешали поступающие из центра указания по обработке почвы, структуре посевных площадей, содержанию и кормлению скота. В земледелии и животноводстве не осуществлялись в полном объеме принципы простого воспроизводства – возмещение колхозам и совхозам потребляемых материальных средств в натуре (семян, фуража, продовольственного зерна и т.д.).

Часто нарушался принцип материальной заинтересованности работников в труде – это являлось

более сложной задачей, чем утверждение общественной собственности на землю и орудия труда [7, с. 69, 70, 83].

Все это в той или иной степени коснулось и регионов Западной Сибири.

Составной частью борьбы за развитие и подъем сельского хозяйства было освоение целинных и залежных земель. Наибольшие массивы в Западной Сибири были распаханы в Алтайском крае (2,7 млн га); Новосибирской (1,6 млн га); Омской (1,5 млн га) областях. В этом большом и важном деле не обошлось без ошибок, первоначальные положительные результаты сменились многочисленными проблемами, над решением которых никто не задумывался перед началом проведения этой грандиозной кампании. Прежде всего вызывает сомнение распахивание Кулундинской степи – уже тогда было известно, что Западная Сибирь является зоной рискованного земледелия, с частыми засухами, особенно в степи.

Как это ни странно, но в результате этих недочетов производство зерна снизилось даже по сравнению с началом 1950-х гг. Были распаханы малопродуктивные земли с легким механическим составом почвы, солонцы, очень часто нарушалась агротехника, севообороты. Частые засухи, распыление почвы и массовое применение дисковых лушильников и корпусных плугов вызывали эрозию почвы. В 1963 г. в Алтайском крае она охватила 20% посевной площади степных районов – 658 тыс. га [8, л. 49].

Определенным образом сказались методы и формы руководства партийных органов. Несмотря на привлечение к выбору земель ученых, специалистов, колхозников, землеустроителей, во многих хозяйствах с недоверием относились к этой затее, многие руководители открыто высказывались против распахивания сенокосов и пастбищ. В Алтайском крае, например, план вспашки целины весной 1954 г. был выполнен на 66%. В Омской области аналогичные вопросы возникали и весной следующего года. Партийным органам пришлось немало потрудиться, чтобы добиться выполнения плана по вспашке новых массивов, нередко методами партийных взысканий.

Ситуация складывалась подобным образом еще и потому, что вопрос подъема целины, как и многие другие, и не только в сельском хозяйстве, решались директивами и распоряжениями. Обкомы и крайкомы давали контрольные цифры районам, районам – машинно-тракторным станциям (МТС), колхозам, совхозам и т.д. Во многих районах даже не провели собраний с колхозниками, вся работа по агитации и пропаганде сводилась к развешиванию плакатов, призывам по радио и в газетах [9, л. 153].

Исследуемый период отмечен рядом организационных реформ. Одна из них состояла в укрупнении мелких хозяйств. В Кемеровской области за 1954–1964 гг. количество совхозов увеличилось с 37 до 98, соответственно

работников в них – с 19,4 тыс. до 86,3 тыс. чел. Число же колхозов сократилось с 599 до 66, работников в них со 108 тыс. до 5865 чел. [10, с. 158]. По всей Западной Сибири число колхозов за этот период уменьшилось в 4 раза, причем более 60% из них имели более 5000 га посевной площади [1, с. 18].

Однако, несмотря на некоторые положительные результаты этой реформы, существенного улучшения в сельскохозяйственном производстве не произошло. Высокие темпы концентрации земли в рамках хозяйств без учета роста технической оснащенности (особенно колхозов), недостаток квалифицированных кадров привели к созданию огромных, слабо управляемых хозяйств [11, с. 82].

Большие надежды по подъему технического уровня деревни возлагались на реформу МТС в 1958 г. Но, к сожалению, и здесь было немало отрицательных последствий, в конечном итоге отразившихся на сельскохозяйственном производстве страны и Западной Сибири. Технику приходилось выкупать в довольно сжатые сроки, нередко под давлением вышестоящих органов, хотя в документах и говорилось о постепенном и строго добровольном характере этого мероприятия. В Западной Сибири к 1 октября 1958 г. машины и оборудование приобрели 72% колхозов, которые потом расплачивались за эту технику в течение нескольких лет. В результате у них не оставалось средств на покупку новой техники, приобретенная уже изнасилась, во многих хозяйствах произошло снижение достигнутого в МТС уровня эксплуатации и ремонта техники, руководство ею оказалось на первых порах в руках технически малограмотных специалистов, так как переход последних из МТС на работу в колхозы и совхозы проходил не так уж гладко [12, с. 346].

В настоящее время появились новые оценки этих преобразований, часто носящие критический характер. Например, Г.А. Тенин, исследователь истории колхозов, объясняет их укрупнение, реорганизацию МТС последствиями засухи 1955 г. Многие колхозы Западной Сибири разорились, а вместе с ними и МТС. У 221 колхоза Новосибирской области сумма долгов по отношению к доходам составила 92%. Чтобы не возникло сомнений в необходимости освоения целины, местным органам было разрешено реорганизовать колхозы в совхозы. За 1958 г. было образовано таким образом 87 совхозов, 397 разорившихся колхозов присоединено к другим хозяйствам [13, с. 112–113].

Положительное влияние на развитие сельского хозяйства оказала политика новых закупочных цен. Их повышение привело к увеличению производства основных видов продукции: зерна, мяса, молока. Вместе с тем ряд недостатков в ее проведении привел к снижению производства некоторых видов технических культур: в 1950-е гг. в 2–3 раза уменьшились посевные площади под такими культурами, как рис, просо, гречиха и бобовые; наполовину уменьшился

валовый сбор и госзакупки подсолнечника, на одну пятую сократилось производство льна-долгунца, который давал неплохие урожаи в Алтайском крае, Омской, Новосибирской и Кемеровской областях [12, с. 264].

Ограничение личных подсобных хозяйств также отразилось на выполнении, как это ни странно, государственных планов, так как они составляли значительную долю среди сдатчиков сельхозпродукции, а по некоторым ее видам даже опережали государственный сектор. Например, в 1955 г. в Кемеровской области общественный сектор по производству молока (колхозы, совхозы, подсобные хозяйства) обеспечил всего 32,7% сданной продукции, 42,7% мяса, 8,4% яиц. Все остальное приходилось на индивидуальных производителей [14, л. 85].

Отрицательное влияние на развитие сельского хозяйства Сибири, впрочем, как и всей страны, оказало внедрение пропашной системы земледелия. Начиная с 1961 г. усилиями некоторых администраторов она превратилась в панацею чуть ли не от всех бед, в средство быстрого и «легкого», как казалось некоторым нашим руководителям сельскохозяйственной науки, решения проблемы по увеличению уже в который раз производительности в сельском хозяйстве. «Активными» ее проводниками стали руководители всех уровней в силу сложившейся командно-административной системы. Пропашная система была поддержана и многими специалистами, и рядовыми коммунистами. Их выступления на конференциях, пленумах, партийных собраниях напоминали сводки из районов «боевых» действий. В 1961 г. на XII конференции Алтайской партийной организации А.И. Слащев – секретарь Табунского РК КПСС – докладывал, что в районе объявлена война травопольщикам, призывал сеять бобы и кукурузу, которые, по его мнению, произвели революцию в кормовой базе. Тут же в докладе приводились цифры, с математической скрупулезностью доказывающие преимущества этой системы земледелия по сравнению с существующей травопольной [15, л. 179–182].

В этом же году состоялся первый съезд специалистов сельского хозяйства и передовиков Алтайского края, на котором механизаторы, председатели колхозов, директора совхозов, руководители НИИ отмечали только преимущества пропашной системы. После изучения стенограммы совещания и у меня не осталось никаких сомнений в ее преимуществах и в том, что проблема продовольствия будет решена в ближайшие годы. На практике все оказалось совсем иначе.

На конференции было принято решение о дополнительной распашке половины площадей, занятых многолетними травами. С трибуны слышались призывы «навсегда покончить и развенчать травопольную систему и «овсяных рыцарей» [15, л. 42]. В 1954 г. руководителей критиковали за ...медленное расширение

посевов многолетних трав! К сожалению, похожие ситуации наблюдались и в других областях Западной Сибири.

Результатом такого подхода явились сотни тысяч загубленных гектаров плодородных земель, песчаные бури в степных районах Кулунды, снижение урожайности зерновых, проблемы с кормовой базой и другие. Ошибки были признаны, но руководство в основном осталось прежним.

Дальнейшее изучение проблем развития западно-сибирской деревни выводит на систему управления сельским хозяйством и всей экономикой в целом. На местах звеньями этой цепи были обкомы и крайкомы партии, райкомы. Через них передавались директивы из центра. Подмена партийными органами административных и хозяйственных, дублирование одних и тех же функций часто не позволяли добиваться высоких показателей, но приводили даже к их снижению. Решением тех же проблем занимались еще советские и общественные организации. И поэтому, когда была предпринята попытка расставить все по своим местам, вернуть хозяйственные функции соответствующим органам, ожидаемого результата не получилось, они не смогли за короткий срок восстановить свою работоспособность. Перестройка партийных организаций по производственному принципу (одна организация коммунистов промышленности, строительства, транспорта и обслуживающих отраслей, другая – работающих в сельском хозяйстве) среди многих задач ставила и приближение партийного руководства непосредственно к производству. Сельские райкомы были упразднены, а взамен на базе укрупненных районов были созданы партийные комитеты производственных управлений. Аналогичная перестройка произошла в структуре советских, профсоюзных, комсомольских организаций.

Реорганизация привела к смешению функций, прав и обязанностей партийных, советских и хозяйственных органов. Сложными и запутанными стали отношения сельских райисполкомов с парткомами и производственными управлениями. Они часто дублировали друг друга. Район как административно-хозяйственная и партийная единица оказался ликвидированным, расчлененным. Об этом говорил на совещании с руководителями областных организаций и производственных управлений 19 января 1963 г. заместитель председателя Совмина РСФСР Н.И. Смирнов. Он отмечал, что раньше всю основную работу вели райкомы партии, они были главной силой. Недавно организованные производственные управления пока ничего не дали сельскому хозяйству, главным недостатком в их работе было неумение производить экономический и производственный анализы деятельности колхозов и совхозов [16, л. 3, 4].

О роли партийных органов в решении хозяйственных проблем можно судить и по многим отчетным

документам, в которых, особенно в докладах на конференциях и пленумах, на первом месте всегда стоят хозяйственные и производственные вопросы.

Долгое время для усиления партийного влияния на сельское хозяйство существовала такая категория партийных работников, как уполномоченные. В основном их задачей было обеспечение выполнения планов любыми средствами. В начале 1950-х гг. она подвергалась справедливой критике со стороны самих партийных работников. В 1954 г. в своем выступлении на XIX районной партийной конференции прокурор Бурятского района Алтайского края тов. В.П. Балабанов отмечал, что эта практика снимает всю ответственность с непосредственных руководителей хозяйств, парализует в некоторой степени работу учреждений, от которых зависит решение хозяйственных задач. По его мнению, представители райкомов должны главное внимание сосредоточить на решении политических вопросов. Он сам по распоряжению первого секретаря выезжал на две недели в колхоз им. К.Е. Ворошилова, где закрепленная за ним бригада заканчивала посевную, с предписанием не появляться в районе до полного окончания работ. Район фактически на это время оставался без прокурора [17, л. 37–38].

Нерешенные проблемы сельского хозяйства заставляли искать другие средства улучшения производственной деятельности. В это время предпринимается попытка расширить влияние общественности и партии на хозяйственную деятельность администрации при помощи специальных комиссий (комиссии по контролю за деятельностью администрации), общественных контролеров. Например, в 1962 г. в партийных комитетах Алтайского края имелось 963 инструктора-общественника, в комиссиях по различным отраслям внутрипартийной, хозяйственной и культурной работы имелось 5567 коммунистов. Одновременно велась работа по сокращению партийного аппарата. Это осуществлялось за счет широкого привлечения коммунистов в качестве нештатных работников, в порядке общественной деятельности, партийного поручения. Ставилась задача передачи части функций партийного аппарата на общественные начала. В Алтайском крае, например, к такой работе было привлечено более 2 тыс. чел. [18, л. 281]. В Тальменском РК КПСС на базе внештатных инструкторов и общественных контролеров создали 4 внештатных отдела при райкоме, наделив их правами штатных: сельскохозяйственный, организационный, промышленности и строительства, пропаганды и агитации. В 1962 г. уже четверть партийной организации края участвовала в различных общественных комиссиях.

Другой формой усиления партийного влияния явилось создание партийных комитетов и бюро с освобожденными работниками в колхозах и совхозах. Шел также процесс создания первичных партийных организаций на фермах, в бригадах, от-

делениях совхозов. Это положительно отразилось на результатах производства, однако в целом работа партийных организаций страдала многими недостатками: массово-политической работой не были охвачены значительные слои сельского населения, она организовывалась среди небольшой и наиболее активной части населения, не была систематичной и регулярной. Не всегда своевременно разъяснялись события в стране и за рубежом, важнейшие решения партии и правительства. Агитация нередко носила декларативный характер, не увязанный с жизнью и задачами конкретного хозяйства, организации и поэтому часто не оказывала действенного влияния. Повседневная кропотливая работа часто подменялась общими разговорами, медленно распространялась одобренная ЦК КПСС практика периодических отчетов руководителей всех уровней перед населением [19, л. 93].

Положительное влияние на результаты производственной деятельности оказывали коммунисты, занятые непосредственно в сельском хозяйстве. Ситуация и здесь была далеко неоднозначной. Во всем регионе в рассматриваемый период отмечается сокращение коммунистов, непосредственно работающих на фермах, в бригадах. В Кузбассе, например, этот показатель снизился с 13,5 до 12,6%. Эта тенденция была постоянной, о чем свидетельствуют цифры по Новосибирской области: в 1958 г. в сельском хозяйстве было занято 24,6% состава областной партийной организации, в 1962 г. – 21,7%, в 1980 г. – 18,4% [20, с. 58].

Чтобы оценить влияние партийных организаций, наиболее передовой части трудящихся деревни, являющихся активными проводниками политики партии, на развитие сельского хозяйства, проанализируем некоторые особенности, характерные для организаций сельской местности. По общей численности, составу они во многом отличались от городских. В Алтайском крае, например, в 1955 г. на их долю приходилось 39% численности всех коммунистов. В среднем совхозные организации насчитывали 26–50 членов, в колхозах – 6–10 человек. К 1965 г. колхозные организации выросли до 44 членов, совхозные – до 130.

Довольно низким был уровень грамотности коммунистов-колхозников. В Сорокинском районе Алтайского края 62% имели лишь начальное образование, а в таких районах, как Алейский, Павловский, Солонешенский, и некоторых других, этот показатель опускался до 85–90%.

Картину влияния коммунистов на сельское хозяйство дополняют данные по районам. Например, в Бурлинском районе в 1957 г. в сельском хозяйстве было занято 48% членов районной партийной организации: 6% – в полеводстве, 12% – в животноводстве. В Кулундинском районе в полеводстве было занято 7,3%, в животноводстве – 4,5% состава районной организации. Из этих данных видно, что количество

коммунистов в наиболее трудоемких отраслях было небольшим, и поэтому влияние партийных организаций было ограниченным [21, л. 67].

Если говорить о других особенностях влияния партийных организаций, коммунистов на развитие производства, то следует отметить, что во многих хозяйствах члены КПСС занимали руководящие должности. В колхозе им. В.И. Ленина Кулундинского района вся организация состояла из служащих, все коммунисты были на руководящих должностях. Организации района медленно росли за счет передовиков производства, о чем неоднократно говорилось на заседаниях бюро, но картина не менялась. В 1961 г. по району было принято в партию только 28 чел. из рабочих и колхозников.

В Омской области в 1955 г. колхозники составляли 14% всех коммунистов, в полеводстве было занято 4,7%, в животноводстве – 4,4%.

В Кемеровской области эти показатели были еще ниже, так как сельское хозяйство здесь было развито в меньшей степени по сравнению с промышленностью.

В это время благодаря изменениям в политической жизни страны значительно активизируется деятельность местных Советов депутатов трудящихся. Постепенно восстанавливается их роль как коллективных органов государственной власти. Местные советы Западной Сибири активно включаются в работу по подъему сельского хозяйства, дальнейшему улучшению материального и культурного уровня трудящихся, жилищному строительству и благоустройству. Однако в их деятельности сохраняются многие недостатки, сложившиеся в предыдущие годы и сдерживающие развитие активности и инициативы депутатов и общественности. В сельской местности они проявлялись наиболее отчетливо. Прежде всего было много организационных нарушений: сессии проводились в неустановленные сроки, исполкомы редко отчитывались перед депутатами, а депутаты – перед избирателями. Вот как, например, характеризовалась работа Златополинского сельского Совета Кулундинского района Алтайского края в 1964 г.: планы работы исполкома составлялись нерегулярно, на заседаниях не утверждались, не выполнен ни один пункт, запланированный ранее, в 1963 г. вместо 18 заседаний по плану проведено 5, постоянные комиссии и депутатские группы не работали, сельский Совет не имел связи с партийными, профсоюзными, комсомольскими организациями и руководителями хозяйств [22, л. 2, 3]. И такие примеры, к сожалению, были не единичными. Справки о работе райисполкомов края отмечают слабую подготовку и проведение сессий, неявку на них многих депутатов, их низкую активность при обсуждении вопросов, отсутствие гласности. Некоторые Советы самоустранились от работы с депутатами и постоянными комиссиями, сельским

активом. Работа в основном сводилась к выдаче различных справок и оформлению пособий матерям. Депутаты не привлекались к подготовке вопросов на сессии, их не информировали о выполнении решений. Слабым участком в работе Советов оставались вопросы народного образования и здравоохранения. Много обсуждалось проблем и принималось решений по сельскому хозяйству, но они так и оставались невыполненными [23, л. 1–10].

Очень часто в адрес руководителей Советов отменялись претензии по слабому знанию основ сельского хозяйства, животноводства. И действительно, специалистов среди председателей райисполкомов, сельсоветов, партийных секретарей было не так уж много, как и вообще имеющих высшее образование. Например, из 4539 работников сельских Советов Алтайского края в 1955 г. высшее образование имели 232, среднее – 931, неполное среднее – 1762, начальное – 1678; среди председателей исполнительных комитетов высшего образования не имел никто, также как и среди секретарей (780 чел.) [24, л. 6].

Ситуация менялась очень медленно. На 1 апреля 1963 г. из 24 председателей сельских райисполкомов высшее образование имели только 13 чел. (экономист, 3 педагога, 2 юриста, 7 закончили высшую партийную школу). Из секретарей сельских райисполкомов заочно учились 5 человек, из 596 председателей сельских – 3; 475 руководителей не имели даже среднего образования [25, л. 23, 27].

Это не могло не влиять на качество работы этих органов власти на местах: непрофессионализм работников, депутатов, низкий уровень культуры сводили на нет многие попытки по реорганизации административно-командной системы, делали преобладающим влияние субъективного фактора, не поддающегося в то время хотя бы приблизительным элементам прогнозирования.

Сложившуюся ситуацию пытались улучшить при помощи привлечения общественности. Создавались на общественных началах отделы торговли, культуры, социального обеспечения. По количеству занятых в них людей они превышали платные аппараты райисполкомов. Но не везде эта работа была поставлена на должный уровень. В некоторых районах она не проводилась вообще, чаще всего эти отделы ограничивались проверками, фиксированием недостатков, а результатов не было, так как нередко были случаи пренебрежительного отношения к ним со стороны отдельных руководителей [26, л. 1, 9].

Все это заставляло задуматься о том, на самом ли деле следует передавать административные, хозяйственные функции в руки общественников, не имеющих зачастую специальной подготовки. Получалось, что депутаты и активисты занимались многими важными проблемами как бы в нагрузку, к тому же не имея достаточных знаний. Все это вело к неэффектив-

ности такой системы, о чем свидетельствует история советского государства.

Изучаемый период отмечен многими сложными процессами социального развития западносибирской деревни. К середине 1960-х гг. были исчерпаны все ресурсы прироста рабочей силы, а нагрузка на каждого трудоспособного была одной из самых высоких в стране: на одного сельскохозяйственного работника пашни приходилось в 2,7 раза и скота в 1,5 раза больше, чем в среднем по стране. Они находились в худшем положении с точки зрения общей занятости в общественном производстве по сравнению с работниками несельскохозяйственных отраслей. При этом наблюдался значительный разрыв в уровне механизации работ по сравнению с индустриальными отраслями.

Темпы развития сельского хозяйства Сибири были несколько ниже, чем в среднем по стране. Это зависело от неустойчивой динамики производства продукции в Западной Сибири, на долю которой приходилось 2/3 всей продукции сельского хозяйства восточной зоны РСФСР. В результате удельный вес Сибири в валовой продукции хозяйства страны в 1960-х гг. снизился. Прежде всего это было связано с понижением урожайности зерновых из-за частых засух (1962, 1963, 1965 гг.), отсутствия эффективных для сибирских условий сортов пшеницы, резкого отставания в использовании минеральных удобрений по сравнению с другими районами.

Сказывался и чрезмерный отток сельского населения в города. По переписи населения 1970 г. численность сельских жителей Западной Сибири за 1956–1965 гг. уменьшилась на 900 тыс. чел., или на 16% против 4% в среднем по стране. Причины этого крылись в негативном отношении части населения к деревне и сельскому хозяйству, сформировавшемуся под влиянием ряда объективных и субъективных факторов, в отставании села от города в социальных и бытовых областях жизни, в росте потребностей города в рабочей силе.

Не помогла решить эту проблему, а, наоборот, еще более усложнила целинная эпопея. Большинство новоселов-целинников трудилось непродолжительное время: в первые годы их осталось 15%, а в 1959–1962 гг. эта цифра снизилась до 7% [27, с. 85]. Все это еще больше обострило проблему кадров и отразилось на качестве и сроках сельхозработ. Не хватало механизаторов, а отсюда цепочка тянулась дальше: нарушение агротехники из-за ненормальных условий работы, борьба за обработанные гектары, а не качество и результаты работы, быстрый износ техники и т.д.

Медленно улучшались социально-бытовые условия в сельской местности. Сосредоточив все внимание на производственных вопросах, партийное и советское руководство не могло в достаточной степени охватить вниманием остальные сферы. В 1961 г. в Алтайском крае почти 1600 семей в совхозах жили еще в зем-

лянках, 20% всех совхозных поселков с населением в 78 тыс. чел. не имели электричества. Планы ввода жилья в сельской местности не выполнялись: в 1958 г. в Алтайском крае эта цифра составила 88,5%, в 1950 г. – 76,3% [28, л. 18].

Трудно было с обеспечением товарами первой необходимости. Была распространена система снабжения ими под закуп, в том числе гвоздей, одежды, даже самой необходимой (например валенки). Это повсеместно приводило к нарушениям в торговле, что еще больше ухудшало снабжение.

Имели место нарушения КЗОТ: необоснованные увольнения, удлинение рабочего дня, отсутствие выходных дней, неправильное привлечение к дисциплинарной и материальной ответственности, нарушения трудовых прав женщин и подростков.

Часто задерживалась выплата зарплаты из-за отсутствия средств. Колхозы медленно переводились на денежную оплату труда. К 1960 г. из 533 колхозов на Алтае на нее было переведено всего 132 [29, л. 134].

Остро стояли проблемы образования и здравоохранения. Все это осложняло жизнь тружеников села и негативно отражалось на результатах производства в первую очередь.

В данной статье мы только обозначили круг основных социальных проблем. Все они, конечно, требуют более тщательного изучения и анализа. Остановившись на причинах, тормозящих развитие социальной сферы села, правомерно будет привести анализ ее на примере Алтайского края, сделанного исследователем А. Троцковским. Он отмечает, что характерной особенностью региональной социальной политики этого периода был разрыв между словом и делом: ситуация постоянно складывалась в пользу соблюдения интересов одних территориальных групп за счет других. Эта политика постоянно порождала социальное неравенство и несправедливость на фоне лозунгов о выравнивании условий жизни различных территориальных групп, превращая сельскую часть Алтайского края, других регионов Сибири в отсталый в социальном отношении регион.

На формирование и реализацию такой политики огромное влияние оказало в первую очередь несовершенство экономических и правовых отношений в

нашем обществе. Неэквивалентность обмена между городом и деревней, приоритет производства над социальной сферой оставляли самые скудные средства на развитие последней, и их освоение тоже было проблемой.

Причины трудностей в развитии этой сферы лежали прежде всего в административно-командной системе управления с ее жесткими заданиями, централизованной системой материально-технического снабжения, строгой регламентации деятельности предприятий и организаций.

Несмотря на стремление сельских партийных организаций разрешить многие проблемы социального развития села, ощутимых результатов достигнуто не было прежде всего из-за чрезмерной концентрации партийной власти на краевом и областном уровнях и несовершенства хозяйственного механизма [30, с. 36–39].

Как мы видим, развитие западносибирской деревни проходило сложно, неоднозначно. Сказывались особенности географического положения региона, суровые климатические условия. Непоследовательность, непроработанность многих экономических и социальных реформ привела в первую очередь к нестабильному развитию сельского хозяйства: многие намеченные рубежи не были достигнуты, проблема снабжения страны и региона продовольствием не была решена, в ходе осуществления самих реформ возникло много непредвиденных негативных последствий, потребовавших дополнительных затрат и усилий.

Несмотря на усилия по развитию социальной сферы, жизнь и работа в сельской местности Западной Сибири были связаны с многочисленными трудностями: не хватало жилья, медленно улучшались условия работы, высокой оставалась доля физического труда. О каком-либо сближении социально-бытовых и культурных различий между городом и деревней говорить было еще преждевременно. Все это по принципу обратной связи влияло на осуществление проводившихся преобразований в области экономики и социальной сферы, поддерживало возникновение и рост негативных тенденций, с последствиями которых приходилось сталкиваться в последующие годы, и даже в настоящее время.

Библиографический список

1. Огурцов, В.И. Сельское хозяйство Западной Сибири за 50 лет / В.И. Огурцов. – Новосибирск, 1957.
2. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. Р-16. – Оп. 3. – Д. 1.
3. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. Р-1. – Оп. 117. – Д. 50.
4. Государственный архив Кемеровской области (ГАО). – Ф. Р-782. – Оп. 1. – Д. 989.
5. ГАО. – Ф. Р-75. – Оп. 9. – Д. 989.
6. ГАОО. – Ф. Р-17. – Оп. 63. – Д. 77.
7. Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы. – М., 1972.
8. ЦХАФ АК. – Ф. Р-1. – Оп. 117. – Д. 48.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. Р-4. – Оп. 33. – Д. 2347.
10. Кемеровская область в цифрах : стат. сб. – Новосибирск, 1966.
11. Ткаликов, А.В. Развитие совхозного и колхозного производства Омской области / А.В. Ткаликов // Омская обл. за 50 лет. – Омск, 1968.

12. История Сибири с древнейших времён до наших дней : в 5 т. – Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. – Л., 1969.

13. Тенин, Г.А. Преобразование колхозов в 50-е годы / Г.А. Тенин // Социальное развитие села. – Новосибирск, 1990.

14. ГАКО. – Ф. Р-75. – Оп. 7. – Д. 359.

15. ЦХАФ АК. – Ф. Р-1. – Оп. 106. – Д. 432.

16. ГАОО. – Ф. Р-16. – Оп. 3. – Д. 45.

17. ЦХАФ АК. – Ф. Р-3131. – Оп. 3. – Д. 162.

18. ЦХАФ АК. – Ф. Р-1. – Оп. 106. – Д. 432.

19. ЦХАФ АК. – Ф. Р-1. – Оп. 106. – Д. 34а.

20. Новосибирская организация КПСС в цифрах. – Новосибирск, 1981.

21. ЦХАФ АК. – Ф. Р-3131. – Оп. 9. – Д. 5.

22. ЦХАФ АК. – Ф. Р-834. – Оп. 7. – Д. 9.

23. ЦХАФ АК. – Ф. Р-834. – Оп. 4. – Д. 804.

24. ЦХАФ АК. – Ф. Р-834. – Оп. 4. – Д. 808.

25. ЦХАФ АК. – Ф. Р-834. – Оп. 8. – Д. 80.

26. ЦХАФ АК. – Ф. Р-834. – Оп. 8. – Д. 124.

27. Гущин, Н.Я. Проблемы историографии массового освоения целинных земель Западной Сибири / Н.Я. Гущин // Изв. СО АН СССР. – 1979. – Вып. 3. – №11.

28. ЦХАФ АК. – Ф. Р-1. – Оп. 106. – Д. 896.

29. ЦХАФ АК. – Ф. Р-569. – Оп. 106. – Д. 177.

30. Троцкий, А. Что тормозит развитие социальной сферы села? / А. Троцкий // Диалог. – 1989. – №6.